

ОБРАЗ ГОРОДА В ЦИКЛАХ М. ВЕЛЛЕРА «ЛЕГЕНДЫ НЕВСКОГО ПРОСПЕКТА», «ФАНТАЗИИ НЕВСКОГО ПРОСПЕКТА» И «ЛЕГЕНДЫ АРБАТА»

Е.В. Пономарева, З.С. Потапова

Южно-Уральский государственный университет, г. Челябинск

Исследуется специфика конструирования городского столичного пространства на материале прозаических циклов М. Веллера «Легенды Невского проспекта», «Фантазии Невского проспекта» и «Легенды Арбата». Изучаются ключевые образы, делаются выводы о соотношении ключевых топосов внутри московского и петербургского пространства, осмысливается концепция человека и города, создающаяся внутри каждого из произведений. Предложенная методика, опирающаяся на положения отечественного и зарубежного литературоведения, является продуктивной при исследовании городского текста как особого феномена. Материалы статьи позволяют внести дополнения в существующую научную картину осмысления столичного текста.

Ключевые слова: малая проза, городской текст, прозаический цикл, художественная модель, пространство, время, хронотоп, культурные знаки.

Город как культурный контекст и литературный образ, обладающий специфическими принципами миромоделирования, в последнее десятилетие является неизменным объектом пристального научного интереса. В России и за ее пределами сложились научные школы, определились ключевые научные подходы к городскому тексту как целостному образованию, особой знаковой системе, состоящей из устойчивых, в том числе мифологизированных, образов, известных архетипов, историко-культурных реалий, сложившихся и зафиксированных в культурной памяти мифологем.

Понятие «городского текста» в современной науке выглядит аксиоматическим и вполне определенным [15, с. 308]. И если на протяжении XX столетия традиция осмысления семиосферы города в целом складывалась из исследования составляющих городского пространства в творчестве отдельных авторов (А. Белого, М. Булгакова, В. Гиляровского, С. Кржижановского и др.), то ко второй половине двадцатого столетия сложились представления о городе как «самом конкретном культурно-историческом организме» [9, с. 35].

В пространстве литературного произведения, как правило, город конструируется как «целостный проект» [6, с. 14], основанный на взаимодействии, сосуществовании, логической и метафизической взаимосвязи материального пространства, зафиксированного в знаках, и человека, чей характер, жизненный уклад формируются под воздействием и при непосредственном участии города. С другой стороны, во многом содержание и настроение городского пространства определяется самим человеком, той историей, которую он конструирует ежедневно, ежечасно и заложником которой порой становится.

Циклическая модель обладает особым потенциалом в конструировании города как метагеографического пространства, включающего в себя такие внутренние составляющие, как социально-психологическое, историческое, географическое, мифологизированное (в том числе виртуальное пространство). В книге «Метагеография пространства» Д. Замятин отмечает, что «под метагеографией города понимается конструирование, разработка специфических ментально-географических пространств, в структуре которых главенствующие роли принадлежат знакам и символам определенного города, а также пространственным представлениям о нем» [7, с. 214]. Современное литературоведение, фиксируя универсальность ряда принципов конструирования городского пространства, подчеркивает специфичность оппозиционного провинциальному столичному тексту, а внутри него – разницу изображения и авторского оценивания «петербургского» (М.В. Амосин, И.О. Балог, В. Лелина, Ю.М. Лотман, В. Попов, А. Пурин, Д.Л. Спивак, В.Н. Топоров и др.) и «московского» (А. Немзер, И. Б. Ничипоров, Е. Осьминина и др.) текстов русской литературы.

Столица – феномен, совмещающий в себе три логически, эмоционально и интонационно сплетенных между собой измерения – прошлое, настоящее и будущее, – предстает мозаикой знаковых доминант, зафиксированных в конкретных рассказах-компонентах циклического художественного единства. Цикл выступает в данном случае в качестве продуктивной модели, позволяющей увидеть целое, не упустив частных, выстроить единое полотно на основе принципа дополнительности эпизодов. На основе существующих подходов попытаемся проанализировать

специфику художественного моделирования столичного пространства в прозаических циклах М. Веллера.

Одним из устойчивых циклообразующих факторов, вокруг которых строится циклическое пространство в большинстве произведений Михаила Веллера «Легенды Невского проспекта» (1993 г.) и «Фантазии Невского проспекта» (1999 г.), становится образ города. Образ столиц (Москвы и Ленинграда) конструируется на нескольких уровнях, воплощается в специфической концептуально-формальной модели. Город с его достопримечательностями, излюбленными в народе и историческими местами становится площадкой, где разворачиваются действия. Город – это и фон для происходящих событий; и часть родины, страны; и отдельно существующий, живущий своей жизнью образ, который является одним из «главных героев» цикла.

Уже в заглавии художественного единства «Легенды Невского проспекта» и цикла «Фантазии Невского проспекта» заявлен топоним «Невский проспект», с которым связано все повествование, – улица, имеющая противоречивые характеристики, как и Санкт-Петербург (Ленинград) в целом. М. Веллер делает акцент на амбивалентности пространства, уделяя, в первую очередь, внимание его праздничной, парадной стороне, знакомой каждому жителю и гостю города. Проспект является знаком радушия, гостеприимства для многих поколений россиян и иностранцев. Это улица успешных людей, которые организуют свой бизнес, посещают магазины, рестораны, культурные заведения (театры). Но, в то же время, есть другая сторона: Невский – это улица, щедрая на денежный обман, на множество приманок для туристов, на опасности, преступления и несчастные случаи.

В цикле «Легенды Арбата» (2009 г.), ключевым топонимом которого является столица, в качестве художественного пространства предстает старинная московская улица. Выбор Москвы в качестве семантического центра накладывает отпечаток на характер повествования, принципы изображения характеров, содержание событий. Однако параметры моделирования географических объектов в представленных циклах оказываются идентичными: вынесено в заглавие и взято за основу место, являющееся «лицом» города, моментально всплывающее в памяти, вызывающее свои ассоциации у любого человека, бывавшего в столице.

Все рассказанные истории имеют хождение среди народа, среди жителей Ленинграда и Москвы, поэтому здесь справедливо говорить о едином топографическом пространстве внутри каждого из циклов. Все события, герои, явления и реалии так или иначе связаны с топонимией Ленинграда или Москвы. Читатель понимает это уже сразу после знакомства с заглавием и убеждается позже, постигая более глубокий, сюжетный, уровень. Пространство городов мифологизируется, становится

местом возникновения и распространения легенд, известных горожанам. Именно поэтому, устойчивой чертой конструирования образа города становится описание знаковых столичных мест, закрепившихся в культурном сознании в качестве узнаваемых, сложившихся образов, живущих сложившейся жизнью. К таковым относятся Елисейский магазин, или Дом торгового товарищества «Братья Елисейевы», пр. Невский, 56 («Продукты привозились исключительно с рынка и кладовых Елисейева [4, с. 19]), Смольный институт, Пискаревское кладбище, Лиговка – Лиговский проспект, одна из главных магистралей Санкт-Петербурга, которая пролегает от улицы Некрасова до площади Московские Ворота («Коммуналки Лиговки и Марата!» [4, с. 236]), улица Марата – крупная трасса Центрального района Санкт-Петербурга, протянувшаяся от Невского проспекта до Подъездного переулка); Арбат, Кремль, Красная площадь, Новый Арбат, ВДНХ («Назавтра в его кабинете вмиг составили макет всей стройки от Бульварного кольца до Садового» [3, с. 40]).

Циклы служат своеобразными путеводителями по неизвестным и очень знакомым столицам, открывающимся читателям в содержании, знакомом только местным жителям.

Невский проспект представлен как мифологическое пространство сказки, которое постоянно замыкается, ограничивается, впуская в свой круг персонажей. Из него никто не выходит, все, однажды оказавшись там, становится его частью: живут, умирают или пропадают навечно: «И легенда о ней проникла на Невский тогда, когда впервые финский автобус достиг Ленинграда, обслуженный поголовно» [4, с. 51].

М. Веллером создается образная карта города, карта событий, организующим центром которой становится Невский проспект. Принцип дополнительности, реализуемый на всех уровнях циклического целого, позволяет за счет мозаичного нанизывания рассказов, входящих в цикл, существенно расширять топонимику, «захватывая» территории, выходящие за пределы собственно Ленинграда, в том числе окрестности города и даже иностранные государства. Арбат предстает в несколько ином формате – это не место, где разворачивается действие цикла, это не пространство как таковое, а один из центральных символов, прежде всего концептуально значимых образов, помимо которого в «Легендах Арбата» представлены и другие топонимы.

«А там, где Арбата выходит к Москва-реке, в рекордные сроки возвели 31-этажное книжнокрылатое здание Совет Экономической Взаимопомощи братских соц. стран, в котором ныне трудится не разгибаясь на наше благо мэрия Москвы» [3, с. 47].

Особое внимание уделено образу города, который вызывает определенное отношение повествователя, транслируемое читателю. Упоминание

и описание археологических памятников, достижений архитектуры образуют единый топос, панораму города, который, несмотря на противоречивые характеристики, сохраняет смысловую и эмоциональную основу. Впечатление о городах субъективировано, окрашено отношением повествователя, поэтому в обобщающем описании городов, в сильных позициях текста, на первый план выходит авторская оценочность: *«Я никогда не вернусь в Ленинград. / Его больше не существует. / Такого города нет на карте. <...> Город моей юности. Моей любви и надежд – канул, исчезая в истории. Заменены имена на картах и вывесках, блестящие автомобили прут по разоренным улицам Санкт-Петербурга, и новые поколения похвально куют богатство и карьеру за пестрыми витринами – канают по Невскому»* [4, с. 268] (Послесловие «Легенд Невского проспекта»); *«В Москве есть все, кроме правды»* [3, с. 3] (Предисловие «Легенд Арбата»).

Пространству тщательно изученных и подробно прописанных столиц противопоставлено иное – пространство-антипод, которое наделено противоположными характеристиками, является для героев «раем на земле», где люди обычно отдыхают, могут быть смелыми в своих поступках и мыслях, иногда даже развязанными. Столичное пространство не просто расковывает, но и стирает этические границы. В связи с этим поднимаются проблемы антисемитизма, острым становится мотив эмиграции, в том числе «еврейской эмиграции».

Любое заграничное пространство, ассоциирующееся прежде всего со свободой, отсутствием проблем и ограничений, становится своего рода антиподом столичного: *«На свадьбу он подарил им через третьи руки ту самую квартиру и две турпутевки в Париж»* [5, с. 27], *«Куплены билеты на “жидовоз” Ленинград – Вена»* [4, с. 28], *«Скульптор полетел в Бристоль»* [3, с. 101].

Повествователем при введении иного пространства подчеркивается дисгармоничность Ленинграда и Москвы. Нарочитое противопоставление территорий акцентирует идею двоемирия: мира реального, в котором живет советский и русский человек, и мира мифологизированно-идеального, существующего в их представлении, воображении, к которому герои стремятся, чтобы наслаждаться всеми благами жизни. Таким образом, топонимика родины получает не просто субъективную характеристику повествователя и героев, но и конструирует образы, противопоставленные заграничные: *«Хотение в Париж бывает разное»* («Хочу в Париж») [5, с. 162]. Пространственная организация циклов резко предстает полярной. Непримируемая борьба – основной пафос жизни персонажей, так как существующее противоречие между государствами мешает им балансировать между полюсами, в связи с чем проблема выбора становится смыслообразующей для любого городского цикла М. Веллера.

Взгляды на жизнь, жизненный уклад русского человека существенным образом отличаются от менталитета любого иностранца. Столкновение противоположных жизненных локусов, принципиально разных миров вызывает появление абсурдных ситуаций, в которые попадают персонажи циклов. Основной проблемой, жизненной драмой, иногда перерастающей в трагедию, становится абсолютное парадоксальное непонимание ими другого мира, того, в который они так стремятся попасть. Недостижимость идеала, с одной стороны, объективно обусловленная, детерминированная, а с другой, являющаяся частью романтического (в данном случае, скорее, романтизированного) мировидения – один из лейтмотивов, смысл которого реконструируется читателем в том числе посредством декодирования смысловой составляющей хронотопов «своего» и «чужого»: *«Фильм Чижикову не понравился. Актрисы все были милые и долгоногие, главный герой крепколицый и совестливый, они увлеченно работали, модно одевались, жили в просторных квартирах, и какого лешего они при этом дергались и закатывали сцены, оставалось совершенно неясным»* [3, с. 312].

Любопытной особенностью цикла «Легенды Арбата» становится композиционные построение – разбиение на 4 подцикла. Структура цикла усиливается содержанием географического контекста: части организованы в соответствии со сторонами света. Заголовки подциклов дают отсылку к «географической» принадлежности рассказов. Художественное единство «Легенды Арбата» представляет собой «замкнутый круг», соответствующий кольцевой линии метрополитена, замыкающей центр Москвы с его достопримечательностями и мифами, по которому, согласно авторской воле, движется читатель. В названии частей цикла маркировано пространственное перемещение как читателя, так и повествователя, затрагивающего разные аспекты жизни в Москве. Все четыре подцикла симметричны, структурно идентичны, включают в себя 5 рассказов. Читая их, мы движемся по часовой стрелке (см. рисунок):

- 1 подцикл «В сторону С. С. С. Р.» – северо-восток;
- 2 подцикл «В сторону искусства» – юго-восток;
- 3 подцикл «В сторону Кремля» – юго-запад;
- 4 подцикл «В их сторону» – северо-запад.

Хронотоп сверхжанровых единств представляет собой органичное целостное концептуально-формальное образование. Пространственная организация непосредственно, напрямую связана с временной. Повествователь «Легенд Арбата» начинает именно с эпохи Советского Союза – того времени, когда меняется пространственный облик города, когда Арбат мифологизируется, одновременно утрачивая свою позицию основного символа города, уступая место другим строящимся достопримечательностям.

Изображение к началу малого цикла [3, с. 5]

В «Легендах Арбата» определяющим временным периодом становится этап изменения пространственно-архитектурного образа столицы. В данном цикле мы вновь видим связь времени и пространства: о смене эпохи говорит прежде всего изменение визуальное, время стирает прежний внешний вид Москвы, рождая новую столицу, город нового времени с современными застройками, улицами, комплексами, современными людьми с их новыми жизненными правилами.

В циклах нет четкой, зафиксированной цифрами, маркировки времени, явного указания на него. Главным маркером эпохи, высвечивающим события, становится пространство. Именно через его анализ, осмысление читатель может определить хроникально-исторический контекст, через пространство писатель старается изобразить и выразить характер событий и времени, значимых для страны.

По наблюдению С.А. Голубкова, «город выступает своеобразной идеологемой цивилизации», континуумом, «в котором спрессованы столетия, эпохи, судьбы», самодостаточным ценным, обладающим своим набором ценностей..., своей шкалой их измерения» [6, с. 12]. Разговор о пространстве всегда влечет за собой разговор о времени, об эпохе. Для рассказчика неинтересно пространство без времени, он показывает не просто локус столиц, городское пространство, лицо которого, конечно, меняется под влиянием времени, но в первую очередь демонстрирует определенный срез эпохи, описывает современников, переживших и участвующих в эпохальных событиях, испытывающих на себе влияние столичной жизни и одновременно влияющих на ее содержание.

Литература

1. Амузин, М. В зеркале петербургского текста: Образ Петербурга в русской литературе XIX – XX вв. / М. Амузин // *Нева*. – 2001. – № 6. – С. 210–222.
2. Балог, И. О символике и семиотике Петербурга: Образ Петербурга в русской литературе XIX – нач. XX в. / И. Балог // *Русский язык за рубежом*. – 1999. – № 2. – С. 83–85.
3. Веллер, М. Легенды Арбата / М. Веллер. – М.: Астрель, 2011. – 320 с.
4. Веллер, М. Легенды Невского проспекта / М. Веллер. – СПб.: Лань, 1994. – 372 с.
5. Веллер, М. Фантазии Невского проспекта / М. Веллер. – Сергиев Посад: Фолио, 2005. – 384 с.
6. Голубков, С.А. Семантика и метафизика города: «городской текст» в русской литературе XX века: учеб. пособие / С.А. Голубков. – Самара: Изд-во «Самарский университет», 2010. – 167 с.
7. Замятин, Д.Н. Метагеография: Пространство образов и образы пространства / Д.Н. Замятин. – М.: Аграф, 2004. – 512 с.
8. Лелина, В. Петербургские тупики: Образ Петербурга в русской литературе XIX–XX вв. / В. Лелина // *Нева*. – 1998. – № 3. – С. 240–245.
9. Лотман, Ю.М. Символика Петербурга и проблемы семиотики города / Ю.М. Лотман // *Ученые записки Тартуского гос. ун-та. Вып. 664*. – 1984. – С. 35–40.
10. Немзер, А. Московская статья: Образ Москвы в современной русской прозе / А. Немзер // *Волга*. – 1998. – № 1. – С. 157–166.
11. Ничипоров, И.Б. «Московский текст» в русской поэзии XX в.: М. Цветаева, Б. Окуджава: Тема города / И.Б. Ничипоров // *Вестн. МГУ. Сер. 9. Филология*. – 2003. – № 3. – С. 58–71.
12. Осьминина, Е. «Как часто в горестной разлуке...»: Образ Москвы в творчестве писателей XIX – XX вв. / Е. Осьминина // *Детская лит.* – 1997. – № 4. – С. 14–22.
13. Попов, В. Литературный Невский: Образ Невского проспекта в творчестве русских писателей XIX – XX вв. / В. Попов // *Звезда*. – 2001. – № 1. – С. 193–195.
14. Пурин, А. Большая Морская: Образ Петербурга в произведениях русских писателей XX века / А. Пурин // *Нева*. – 1994. – № 5–6. – С. 372–383.
15. Руднев, В. Словарь культуры XX века / В. Руднев. – М.: Аграф, 1997. – 384 с.
16. Спивак, Д.Л. Северная столица: Метафизика Петербурга / Д.Л. Спивак. – СПб.: ТЕМА, 1998. – 420 с.
17. Топоров, В.Н. Петербургский текст русской литературы: избр. тр. / В.Н. Топоров. – СПб.: Искусство-СПб, 2003. – 614 с.

Пономарева Елена Владимировна, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и литературы, Южно-Уральский государственный университет (г. Челябинск), ponomareva_elen@mail.ru

Потапова Зоя Сергеевна, аспирант кафедры русского языка и литературы, Южно-Уральский государственный университет (г. Челябинск), potapova.zoya@yandex.ru. Научный руководитель – доктор филологических наук, профессор Пономарева Елена Владимировна.

Поступила в редакцию 5 декабря 2014 г.

IMAGE OF THE CITY IN M. WELLER'S CYCLES “LEGENDS OF NEVSKY PROSPECT”, “FANTASIES OF NEVSKY PROSPECT” AND “LEGENDS OF THE ARBAT”

*E.V. Ponomareva, South Ural State University, Chelyabinsk, Russian Federation, ponomareva_elen@mail.ru,
Z.S. Potapova, South Ural State University, Chelyabinsk, Russian Federation, potapova.zoya@yandex.ru*

The paper dwells upon particular characteristics of constructing a city space of the capital. The material for the analysis is M. Weller's prose cycles “Legends of Nevsky Prospect”, “Fantasies of Nevsky Prospect” and “Legends of the Arbat”. The authors study key images, draw conclusions about correlations of key topoi within Moscow and St. Petersburg spaces, and reflect upon the concept of the man and the city in each work. The authors put forward a productive method based on theses of Russian and foreign literature studies. The results of the present research enlarge the existing scientific worldview of perceiving the text of the capital.

Keywords: small prose, city text, prose cycle, art model, space, time, chronotope, cultural signs.

References

1. Amusin M. [In the mirror Petersburg text: The image of St. Petersburg in the Russian Literature XIX–XX Centuries]. *Neva*, 2001, № 6, pp. 210–222. (in Russ.)
2. Balog I. [On the Symbolism and Semiotics Petersburg: The Image of St. Petersburg in the Russian Literature of XIX–beg. XX]. *Russian Language Abroad*, 1999, № 2, pp. 83–85. (in Russ.)
3. Veller M. *Legendy Arbata* [Legends of the Arbat]. Moscow, Astrel Publ., 2011. 320 p.
4. Veller M. *Legendy Nevskogo prospekta* [Legends of Nevsky Prospect]. St. Petersburg, Lan Publ., 1994. 372 p.
5. Veller M. *Fantazii Nevskogo prospekta* [Fantasy Nevsky Prospect]. Sergiev Posad, Folio Publ., 2005. 384 p.
6. Golubkov S.A. *Semantika i metafizika goroda: “gorodskoy tekst” v russkoy literature XX veka: uchebnoe posobie* [Semantics and Metaphysics of the City, “Urban Text” in Russian Literature of the Twentieth Century: Studies]. Samara, Samara University Publ., 2010. 167 p.
7. Zamjatin D.N. *Metageografiya: Prostranstvo obrazov i obrazy prostranstva* [Metageography: Space Images and Images of Space]. Moscow, Agraf Publ., 2004. 512 p.
8. Lelina V. [Petersburg Deadlocks: The Image of St. Petersburg in the Russian Literature XIX–XX Centuries]. *Neva*, 1998, № 3, pp. 240–245. (in Russ.)
9. Lotman Ju.M. [Symbolism of St. Petersburg and the Problems of Semiotics City]. *Scientific notes Tartu State University*, Vol. 664, 1984, p. 35. (in Russ.)
10. Nemzer A. [Moscow Article: The Image of Moscow in Modern Russian Prose]. *Volga*, 1998, № 1, pp. 157–166. (in Russ.)
11. Nichiporov I.B. [“Moscow text” in Russian Poetry of the Twentieth Century: Tsvetaeva, Okudzhava: Subject Town]. *Bulletin of the Moscow St. Univ., Ser. 9, Philology*, 2003, № 3, pp. 58–71. (in Russ.)
12. Os'minina, E. [“How Often in Bitter Parting...”: The Image of Moscow in Works of Writers XIX–XX Centuries]. *Children's Books*, 1997, № 4, pp. 14–22. (in Russ.)
13. Popov V. [Literary Nevsky: The Image of the Nevsky Prospekt in the Works of Russian Writers XIX–XX Centuries]. *Star*, 2001, № 1, pp. 193–195. (in Russ.)
14. [Bolshaya Morskaya: The Image of St. Petersburg in the works of Russian Writers of the Twentieth Century]. *Neva*, 1994, № 5–6, pp. 372–383. (in Russ.)

15. Rudnev V. *Slovar' kul'tury XX veka* [Dictionary Culture of the Twentieth Century]. Moscow, Agraf Publ., 1997. 308 p.

16. Spivak D.L. *Severnaya stolitsa: Metafizika Peterburga* [Northern Capital: Metaphysics Petersburg]. St. Petersburg, Theme Publ, 1998. 420 p.

17. Toporov V.N. *Peterburgskij tekst russkoy literatury: izbr. tr.* [Petersburg Text of Russian Literature: Selected works]. St. Petersburg, Art-SPb, 2003. 614 p.

Elena V. Ponomareva, Doctor Degree (Russian philology), professor, Russian Language and Literatures chair, South Ural State University (Chelyabinsk), ponomareva_elen@mail.ru

Zoya S. Potapova, postgraduate, Russian Language and Literatures Department, South Ural State University, (Chelyabinsk), potapova.zoya@yandex.ru. Scientific Adviser – professor E.V. Ponomareva.

Received 5 December 2014

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Пономарева, Е.В. Образ города в циклах М. Веллера «Легенды Невского проспекта», «Фантазии Невского проспекта» и «Легенды Арбата» / Е.В. Пономарева, З.С. Потапова // Вестник ЮУрГУ. Серия «Лингвистика». – 2015. – Т. 12, № 2. – С. 22–27.

REFERENCE TO ARTICLE

Ponomareva E.V., Potapova Z.S. Image of the City in M. Weller's Cycles "Legends of Nevsky Prospect", "Fantasies of Nevsky Prospect" and "Legends of the Arbat". *Bulletin of the South Ural State University. Ser. Linguistics.* 2015, vol. 12, no. 2, pp. 22–27. (in Russ.)
